

ТЕАТР

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

и его артистам, все они — друзья театра. Но все они почему-то убеждены, что дружеское отношение к театру состоит в том, чтобы его «поддерживать», а значит — хвалить.

Какое катастрофическое заблуждение!

В самом деле. За последние 6 лет театр осуществлял примерно 45 новых постановок. Неужели же из этого количества не было хотя бы четырех-пяти, или хотя бы двух-трех явных неудач? Ведь без этого не существует ни один театр.

А была ли хоть одна откровенная четкая отрицательная рецензия? Ни одной. Если уже слишком очевиден крах спектакля — газеты молчат, не пишут ничего, или в лучшем случае появляются какие-то «согласительские», бесхребетные шаблонные оценки, вроде: «Несмотря на указанные недостатки, спектакль все же ведет нас...» и т. д. Причем, в своих отрицательных отзывах пресса до предела сдержанна и дипломатична, зато в восхвалениях и комплиментах беспредельно торопится.

Кубишевский драмтеатр имени А. М. Горького — серьезный идейно-художественный организм. Он требует к себе уважения, то есть откровенной, квалифицированной, требовательной критики без всяких дипломатий и оглядок.

На недавнем московском совещании по рецензиям народный артист СССР Р. Я. Плятт воскликнул: «Ярко разогретый срыв спектакль — очень полезное дело!» Товарищи пишущие, уважайте свой театр, лишите являно, требовательно, откровенно — наш театр заслуживает этого!

Г. ШЕБУЕВ.

Народный артист РСФСР, член художественного совета театра.

жение к системе «закрытых чувств». Говоря о теневых сторонах сезона, нельзя пройти мимо зачастую негочного распределения ролей. Ошибочно назначенная роль при самой тщательной режиссерской помощи вводит образ в сторону от того, который задумал и написал автор пьесы.

Вот, как нам кажется, наиболее существенные, наиболее значительные положительные и отрицательные качества сезона. Но эти достоинства и просчеты родились в живой творческой атмосфере, а не на «стоячем болоте», в температурной производственной работе, а не на конце указующего перста режиссера-догматика. Это очень важно помнить при оценке итогов этого сезона, сезона, рождающего надежду и желание видеть дальнейший плодотворный рост театра в создании спектаклей ярких, живых, целеустремленных по идее, артистичных по форме, спектаклей, которых в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС ждут советские зрители.

И последнее — о прессе. В рецензиях кубишевской прессы в адрес драмтеатра далеко не все благополучно. Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться подробно на заюдазнях рецензий, на «танкетной паузе» между премьерой и выходом рецензии — обычно месяц, а то и дольше, на невысоком профессиональном уровне некоторых рецензий. Но нельзя не остановиться на самой серьезной беде — отсутствии искренности, откровенности, смелости высказываний и оценок в большинстве рецензий.

Всех, кто пишет рецензии, нельзя упрекнуть в недостатке живого интереса, уважения и любви к театру

сезона. В «Колдуньях» налицо полная синхронность замысла и работы режиссера, ряда актерских удач, выразительного оформления и мощного звучания моцартовского «Реквиема», помогающего высокому ритму спектакля.

Что касается актерских побед, то такого феерического взлета, как Захарин — Ричард III, в этом сезоне не было. Но ведь мы же договорились с самого начала, что сезон не сезон не приходится, и поэтому нельзя требовать, чтобы каждый год был такой исключительный актерский успех.

Но целый ряд ролей был сыгран с верной мыслью, театральной культурой и обаянием. В этом смысле нельзя не упомянуть заслуженного артиста РСФСР А. И. Демича, который исполнением небольшой роли Зотова в спектакле «Под одной крышей» по-настоящему волновал зрителей сердца. Великолепно играет заслуженный артист РСФСР С. И. Пономарев запоздалого «рыцаря» культуры личности Прозорова в «Плуте». Субъективная трагедия и острейшая «тигра органично сплетаются в этом исполнении. Актер играет необычайно просто, порою как будто совсем не играет, а фигура — и предельно смешная, и овертюрная. Чудесной, чистой, решительной женщиной предстает перед нами Е. Г. Натвола в роли Елизаветы («Сейдемские колдуньи»). Все просто, глубоко и волнующе.

Были, конечно, и другие ролевые удачи, но мы недаром остановились именно на этих трех актерских работах. Нам кажется, что как раз в них есть наиболее успешные прибли-

последствий культа личности. Не многого ли? Не получился ли у нас какой-то репертуарный культ темы «культ личности»?

Непонятны и цели включения в репертуар арбузовских «Годов страсти» — пьесы несколько запоздалой, к тому же плохо разошедшей по ролям. Насколько интереснее было бы, если бы вместо «Странствий» была поставлена русская классическая пьеса!

Не было и настоящей яркой комедии. Неплохо поставленная и сыгранная «Безудержная репутация» М. Смирновой и М. Крайндель (режиссер Я. М. Киржнер) драматургии кажется далеко не безупречной, да и значительной роли в сезоне не играла, ибо была сыграна всего 2—3 раза в самом ее конце.

Что касается «закрытых чувств», то кроме единичных актерских удач в этом смысле особенно положительных результатов пока этот поиск не дал. Большая часть актеров и актрис восприняла его и осуществляла чисто внешними приемами: замедленной речью, передержанными паузами, припухлым звучанием голоса, часто мешающим хорошей слышимости со сцены.

Мы отнюдь не в оппозиции к этому серьезному и, вероятно, плодотворному творческому эксперименту, мы констатируем лишь то, что видя пока, и с интересом ждем в наступающем сезоне результатов продолжения такой режиссерской работы.

Об оформлении. Художник Ю. Д. Назово продемонстрировал нам декоративную легкость, лаконизм и образность в «Сейдемских колдуньях» и в «Плуте». С. Алешин, на работы других художников в «Нигре без имени», «Под одной из крыш» и в «Годах страсти» представлял собой лишь малюскающую игру в лабиринтах и «латифасов», не больше. Вообще же «Сейдемские колдуньи» (режиссер заслуженный деятель искусства РСФСР П. Л. Мошарыкин) и «Плут» (режиссер В. И. Галапин, руководитель постановки П. Л. Мошарыкин) — лучшие спектакли

игры, внедрить так называемую систему «закрытых чувств». Это значит, что актеры должны раскрывать внутренний мир своих героев, их мысли, чувства, даже душевные катастрофы, без всякого «нажима», не через эффектно звучащие тирады, а через простые, как будто малозначащие, сдержанные, скудные приемы театрального искусства, через паузу, взгляд, мягкий акцент более тонкой, камерной, интимной игры. Нельзя не признать, что это серьезный творческий поиск, и, может быть, в предыдущих сезонах театр не рисковал бы на этот эксперимент.

Несомненно, есть движение вперед и в оформлении спектаклей. В театре уже нет громоздких тяжелых декораций, постановка которых затягивает актеров, а в чистые перемены заставляет зрителей слушать доходящую из-за занавеса стук молотков, облетающих гвозди. Возбужденные в минувшем сезоне «Волны и ошвы» с их традиционными масштабными залами и гостиницами казались каким-то архаичными, «ужены» спектаклем.

Все вышесказанное — и наиболее весомые, принципиальные достоинства сезона. Но эти достоинства имеют оборотную сторону, ибо кое-какие неудачи и просчеты тесно связаны как раз с этими «плюсовыми» моментами.

Нельзя не разделять желание руководства театра жить современной темой и показывать со сцены наших современников, вершителей великих дел нашей эпохи. Но надо прямо сказать, что нынешняя драматургия не страдает переизбытком ярких, высочайших пьес. Таких пьес изведен, как «Персональное дело» и «Иркутская история», за последние три года мы не видели. И при таких условиях исключать из репертуара русскую классику — из западной в конце предыдущего сезона был поставлен «Ричард III» — значит способствовать однообразию репертуарной линии. К тому же из шести советских пьес в четырех либо в основной, либо в побочной теме сюжета фигурировал показ

В ЛЮБОМ театре сезон разнится от сезона. Один протекает более успешно и по репертуару, и по количеству актерских удач, и по благополучию финансовой части, а другой менее успешно. Каков же был прошлый сезон 1982—83 года в нашем драмтеатре имени А. М. Горького? В чем была его особенность? Чем он нас порадовал и чем огорчил?

Минувший сезон прошел под несомненным влиянием большого успеха гастролей театра в Москве летом прошлого года. Овел этого успеха определил во многом и положительные, и отрицательные качества творческой жизни коллектива.

Москва, прежде всего, укрепила веру театра в себя, в свои силы и возможности. Пусть несколько парадоксальна фраза Актера в горьковском «На дне»: «Талант — это вера в себя», но она все же имеет под собой почву. Москва укрепила веру и свой театр не только в игровом коллективе, но и в публике. Вскоре после начала сезона я услышал в антракте диалог двух девушек. Первая, очевидно, высказала какие-то критические замечания в адрес театра, — я их не слышал, — а другая энергично ответила: «Ну, это ты брось! Наш театр — первый, первый везде, и даже в Москве по МХАТе, — так что ты это брось!».

Несколько наивно по форме, но по искренности и театральной «патетичности» весьма приятно!

Естественно, что вместе с верой в свои силы Москва подлила театру бодрящий эликсир творческой смелости. Не боясь каскадного успеха, руководители театра построили годовой репертуар исключительно на современных темах — на шести советских пьесах и одной западной — пьесе А. Миллера «Сейдемские колдуньи». Наибольшей храбростью было, конечно, включение в репертуар «Сейдемских колдунь» — трудной, сложной трагедии-памфлета пьесы, на постановку которой не рисковал, насколько мне известно, ни один периферийный театр. Кубишевский поставил — и не прогадал!

Режиссура театра сделала серьезную попытку внести в актерские исполнения несколько новых приемов